

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

ЗАТМЕНИЕ

Пьеса в одном действии.

Действующие лица:

Первая - тощая

Вторая - толстая

Трамвай, днём.

Трамвай № 6, который в ЦПКиО ездит, ехал себе ехал, да ка-ак затормозит вдруг на углу Ленина и Свердлова, прямо в центре перекрёстка, аж все друг на друга попадали, зачертыхались, заругались, заматерились. Залилась, затыкала, выдала себя собака, которая бесплатно под последним сиденьем тишком в ЦПКиО гулять ехала.

А водительша открыла кабину, сказала в микрофон хрипло: "Трамвай дальше не идет. Забастовка. В трамвайном депо у нас в двенадцать дня забастовка объявляется".

Все заорали: "Как забастовка?! Какая забастовка?! Нам надо на работу! А мы тоже будем бастовать! А нам тоже надо зарплату повысить! А что ж ты в самом перекрёстке остановилась! Конец света, до чего ж мы дожили! И ни просвета, ни высвета! Да что ж такое! Гады! Суки! Сволочи! Мать-перемать! Машинам заторила дорогу! Нашла где встать - на перекрёстке, специально, прошмандовка, иди назад в кабину!" и прочее, - про правительство, государство, Расею, народ, водительшу, трамвайное депо - что в таких случаях говорится.

Поорали, а водительша, вышла из кабины, сказала без микрофона: "Надоели вы мне, суки, вы мне уже и ночью снится", кабину не закрыла и ушла куда-то, в магазин за едой, наверное - ну, пока забастовка.

А трамвай как стоял посередь дороги, так и стоит, не двигается.

Машины его со всех сторон облепили, библикают, шофера орут - светопреставление, короче.

Потом все поняли, что деваться некуда. Все, кто в трамвае сидел и стоял, вышли на проезжую часть дороги, перешли на тротуар и пошли пешочком на работу и в ЦПКиО. Вышли и скоро совсем ушли. Все ушли, трамвай оставили.

Остались в нём только две тётки: одна, толстая, старуха неподъёмная, вторая - худая, помоложе и побойчее. Сидят они на первом и на втором сиденьи, да собака под последним. Сидят.

Ветер летний гуляет по трамваю, шевелит обрывками рекламных листов, которые по стенкам салона наклеены. И стоит себе сине-красный трамвай с рекламой сбоку "Покупайте трусы и майки нашей фабрики!" на перекрёстке, стоит и стоит - ни туда, ни сюда, стоит - не двигается - как гроб на колёсиках.

Шофера машин как-то приноровились, начали трамвай объезжать и пошла своим ходом жизнь, а трамвай стоит и стоит, и никто на него и на тётки внутри трамвая внимания не обращает.

МОЛЧАНИЕ.

Сидят тётки: ТОЩАЯ в черных очках и сереньком плащике, вязанной кофте (а тепло); она интеллигентного вида - в парике с кудрями, сверху шарфик чёрненький; ТОЛСТАЯ волосёшки под платочек (тоже чёрненький) упрятала.

ТОЩАЯ в левое окно смотрит, ТОЛСТАЯ в правое - сидит, ногой трясёт.

ТОЩАЯ не выдержала, встала, сказала ТОЛСТОЙ, уже спустившись на ступеньку к выходу и собираясь выйти:

ПЕРВАЯ. Женщина? Алё?

ВТОРАЯ. Чего?

ПЕРВАЯ. Я говорю: вот так вот Чапаева-то и проспали. *(Смеётся.)* Надо выходить. Отметьте - все вышли.

ВТОРАЯ. А?

ПЕРВАЯ. Ногой почему трясётете - нервничаете?

ВТОРАЯ. Да забастовка вот. Мы работали - не бастовали. Жизнь-то вот, видите, как идёт.

ПЕРВАЯ. Жизнь где-то идёт.

ВТОРАЯ. Идёт, идёт. А я думала - не идёт. Жила, жила и не верила, что всё так смешно закончится.

МОЛЧАНИЕ.

ПЕРВАЯ. Я говорю - все ушкандыляли, а вы?

ВТОРАЯ. *(Бурчит.)* Ушкандыляли. Трясё-те-те. Пристала. Ну, и пусть шкандыляют. Горе-горе, да что же такое ... Одну остановку не доехала. Сижу, что ж. Надо же.

ПЕРВАЯ. Чего?

ВТОРАЯ. Ничего.

МОЛЧАНИЕ.

ПЕРВАЯ. Как же вы будете сидеть-то тут-то так-то вот? *(Улыбнулась, поправила чёрные очки, платок, парик.)* Одна, в трамвае?

ВТОРАЯ. Да вы идите, дама. Идите. У меня тромбон на ноге, обезножела вот ... Буду сидеть.

МОЛЧАНИЕ.

ПЕРВАЯ. Надо выйти.

ВТОРАЯ. А?

ПЕРВАЯ. Видите - кругом машины. Вдруг авария. Вдруг замкнёт, каротнёт, загорится, и вы тут, живьём ...

ВТОРАЯ. Каротнёт? Замкнёт? Чего-то буровит, буровит ... Идите, дама, говорю. Ничего не будет. Буду сидеть. *(Пауза.)*

ПЕРВАЯ. А вы куда ... поехали? Едете, в смысле куда-то вы, а? Адрес ваш?

ВТОРАЯ. Да вы идите, идите, дама, ступайте. Вам-то, что я тут сижу и сидеть буду? Ну и ступайте. За меня не надо, в смысле, нервничать, в смысле, волноваться, в смысле, не маленькая я, знаю, ступайте отсюда, дама. Слышите, дама?

ПЕРВАЯ. Дак вы куда едете-то? Женщина, адрес?

ВТОРАЯ. Да какой вам адрес? *(Роется в сумке.)* Очки вот где ...

ПЕРВАЯ. Ну куда вам надо-то?

ВТОРАЯ. Да обойдусь без тимуровцев, да что же она как банный лист ... *(Бормочет.)* Это что за мокрица такая пристала. Идите, дама, говорю!

ПЕРВАЯ. *(Помолчала, села, смотрит в окно.)* Нет, я не пойду, раз так.

ВТОРАЯ. Как не пойду? Почему не пойду? Я сказала - без провожатых я, не инвалид ...

ПЕРВАЯ. Ничего, так просто. Буду ждать.

ВТОРАЯ. Кого ждать, дама?

ПЕРВАЯ. Ждать да и всё.

ВТОРАЯ. Конца света ждать, что ли? Вы же вылезать хотели - ну, вылезайте.

ПЕРВАЯ. Вылезу ещё. Перехотела. Оставлю пустой трамвай? Ну да, как же. Знаю я вас. “Дама, дама, дама.”

ВТОРАЯ. Кого вы знаете? Что такое?

ПЕРВАЯ. Ничего. Если она, водительша, такая безответственная дура, так не всем же такими безалаберными, беспринципными быть. Это государственное имущество тут находится. Государственный трамвай, а она его посередь перекрёстка кинула, бессовестная. *(Пауза.)* Тут одного оборудования, можно сказать, на миллионы, или даже миллиарды сотен тысяч. Вон, кресла, лампы *(читает)* “ме-длен-ного на-ка-ли-вания”, табличка вон, компостера там. А она ушла, бессовестные люди. Как можно без присмотра оставлять. Тут такие разные люди ездют, могут что хочешь тебе сделать ...

ВТОРАЯ. Какие люди? Кому сделать? Я, что ли?

ПЕРВАЯ. Да хоть бы и вы. Кто вас знает, что вы вдруг сделаете тут.

ВТОРАЯ. Что я могу сделать? Ну? Обивку на сиденьях ножом резать начну? Слова матерные на стенках помадой писать начну? Плевать на пол, гадить начну, так? Окна выбивать начну? Ну?

ПЕРВАЯ. А может и матерные - кто знает. А я посторожу, сохраню, сберегу, вот такушки.

ВТОРАЯ. Ах, даже так, да? Вот такушки, да? Ну-ну. Ясно. Раз так - пойду, выйду. Мне с такой дурой одним воздухом дышать противно в одном салоне. Что за люди пошли, каждой дырке они затычка ... Пойду. Ясно всё. Пусть тромбон, а я - пойду, чтоб только ...

Встала, пошла к выходу в переднюю дверь. ПЕРВАЯ тоже встала, пошла за ней следом.

Куда ж ты, охранительница богатства народа, Паша Ангелина, Павлик Морозов, Стаханов наш, а?! Ты же хотела охранять, нет? Эй, дама, куда, ну?

ПЕРВАЯ. Куда, куда. На улицу Труда, задом резать провода, в Союзпечать, каку качать, ты носом, я насосом.

ВТОРАЯ. Чего?!

ПЕРВАЯ. Куда надо. Ниже своего достоинства считаю говорить с такими вот как вот такие вот, понятно?

ВТОРАЯ. С какими с такими вот как вот такие вот, не поняла?

ПЕРВАЯ. Да вот с такими вот как такие вот тут стоят вот тут вот, ясно?!

МОЛЧАНИЕ.

ВТОРАЯ. Это чего ты понесла-то, а?! У тебя что, говнодержатель сломался, несёшь такое? Ты смотри, земноводное какое, а?! Тундра ты, Тюмень такая, тебе в дом без углов надо, к людям пристаёт, ханыга, профурсетка такая! Что пристала? Тебе чего надо, дура чертова, ты не видишь, довела - я уже белая, мне скорую уже надо, я тебе на хвост, что ли, наступила, чего надо тебе такая ты растакая распротакая, ну?! *(Нашла в сумке, наконец-то, очки, надела на нос.)*

ПЕРВАЯ. Ай, ай. Испугала. Неотложку, скорёжку. Не лепи горбатого. Не помрёшь. Квашня, матрас надувной, нажрала будку, студень копытный. Ой, испугала. Корчит из себя туза. “Дама, дама”. Сама ты - мадам Бич. Больная, смотрите. Да ты как лось носишься ещё по похоронам. Испугала. Ой, как страшно.

Первая зацепилась углом плаща за ручку, дёрнула и пуговицы с плаща посыпались, показалась под плащом сиреневая юбка. Первая сняла платок, стряхнула его, парик набок едет. Вторая поражённо смотрит на Первую.

ВТОРАЯ. Постой-ка, я ж тебя знаю ... Итит твою мать, здрасьте. Очки искала, нашла, и вот.

ПЕРВАЯ. Вы ошибаетесь. Пустите меня! Пусти, ты, сказала, рахит проклятый! Ты заразная, вся флора на тебе, не трогай меня, ну?! Пусти, врежу!

ВТОРАЯ. Врежет она мне, да? Попалась, милка! Стоять, Машка! Очко-то - жим-жим сразу! Маша с Уралмаша, деловая Маша!

Первая пошла к двери, Вторая перегородила ей дорогу, схватила за полу плаща.

Так-так-так, вонюхля такая. Тебе, значит, адрес, сказать, куда мне ехать надо, нет? Адрес, да? Сучка такая, а?!

ПЕРВАЯ. Отстань, сказала! У тебя, дура такая, в голове ветер, в жопе дым, отвали!

ВТОРАЯ. Ишь, что говорит старшим, ишь, как ты наострякалась задом гвозди дёргать, а?! А ведь молодая ещё, парики носит, красится, всю морду губнушкой извозюкала, сучка, что тебе надо?!

ПЕРВАЯ. Что тебе надо?! Что пристала, ну?! Пусти!!!

Побежала ко второй двери, а дверь вдруг сама собой “вжик!” и закрылась. Первая остановилась испуганно, кинулась в другой угол трамвая, сумку к себе прижимает, смотрит с ужасом надвигающуюся к ней Вторую.

ВТОРАЯ. *(Смеется.)* Ну, что залила в галоши? Закаротило, видно, да? Под ногами закаротило! Земля под твоими ногами горит?! А ну иди сюда, выкладывай всё, быстро! Ишь, затряслась вся, бздуниска такая! Ко мне! Ко мне, Мухтар, ну?!

ПЕРВАЯ. Отвали, сказала, отвали!

ВТОРАЯ. Наделала в ползунки, глядите! *(Смеется.)* Иди ко мне, Маша-ковыляша, Маша с Уралмаша!

ПЕРВАЯ. Сама с Уралмаша, отстань!!! Я тебя знать не знаю! Не подходи!

ВТОРАЯ. *(Надвигается на Вторую, широко раскинув руки и улыбаясь.)* Нет уж, теперь никуда, теперь будешь тут, сучий потрох, в кармане у меня, доска два соска, спряталась за швабру ... А я вчера в подъезд захожу - вижу кто-то за мной в сиреневой юбке, голову прячет под мышку, останавливаюсь, гляжу - она в сумке рыться давай, искать вроде как чего-то, я пошла, а сама чую, чую, чую ...

ПЕРВАЯ. Чую, чую, чую! Чего тебе надо, “чую” такая от меня, чего надо, “чую”, отвали, не трогай, жиртрест-комбинат-промсосиска-лимонад, поперёк себя шире, сальная какая, гладкая, откормленная, раскормленная, дебелая, не иди на меня так, не боюсь! У меня справка есть, я стукну и мне ничего не будет!

ВТОРАЯ. Ах, справка у тебя есть?! Сейчас я тебе покажу справку, я отучу тебя за мной туда-сюда колбаситься! Думаю, что это за сиреневая кофта, за сиреневая юбка за мной полощется - вьётся, вьётся знамя полковое, а это ...

ПЕРВАЯ. Отвали, не трогай меня, убейся веником, отстань!!!

ВТОРАЯ. А это - вот что! Ишь ты, футы-нуты, ноги гнуты, а?! Эта сиреневая кофта, эта сиреневая юбка с дыркой жёлтой от утюга на юбке всё время, уж который раз, три или четыре не помню - у гроба стоит, цветы поправляет, плачет пуше всех, паричок свой, вшивый домик, то на бок, то на другой, а?! С двумя хризантемками старыми у гроба стоит, и у моргов сколько раз её видела, сучку, в автобус сядет, а потом с кладбища в столовку на поминки и водку стаканами глушит, бутерброды, покрытые варёной колбасой, в сумку с четырьмя ручками заталкивает, внутри грязный тряпочный мешок, а сверху полиэтиленовый с голой бабой, паразитка, не ты, сиреневая кофта с жёлтым пятном от юбки, не ты?!

ПЕРВАЯ. Отстань, сказала, не трогай меня!

Вторая идёт по салону, Первая схватила её за сумку, начала выкидывать оттуда всё, сумкой по голове Вторую окучивать, орут.

ВТОРАЯ. Конец света! Грабют! Граждане!

ПЕРВАЯ. *(Колотит Вторую сумкой по голове, из сумки полотенчики летят.)* А, уже нахоронилась сегодня, бурдюк напхала, наелась, а я голодом мучаюсь, дура такая! Алкашука чертова!

ВТОРАЯ. *(Бьёт Первую что есть силы.)* Сама алкашка, сама хлещешь водку стаканами! По гробам лазишь!

ПЕРВАЯ. Не знаю я никаких гробов, не трогай меня, вонюхля! От тебя потом пахнет, как от собаки с рынка паршивой, не дыши!!!

ВТОРАЯ. *(Кричит в окно.)* Люди, она меня выслеживает! Я на похороны, а она везде за мной тянется и тянется, ходит и ходит, жрёт и жрёт - привыкла на шармачка! Я моих родственников похоронить не могу как следует, а она, гадина ...

ПЕРВАЯ. Каких родственников?

ВТОРАЯ. Милиция!!!!

ПЕРВАЯ. Зови, зови милицию. Я милиции расскажу, что ты делаешь. Расскажу и покажу вот это вот, что, к примеру, в твоей сумке, сало!

ВТОРАЯ. А что в моей сумке ты, сухостой, что, ну?! Полотенчики, полотенчики! Платочки, платочки!

ПЕРВАЯ. А то, что в твоей сумке, толстомаяся! *(Трясёт полотенцами и носовыми платками перед носом Второй.)* Сколько с утра уже похоронила?! Троиш?! Я за тобой спецом слежу, чтоб доложить в милицию и общественности через прессу и радио, да, доложить, какой ты бизнес открыла, чтоб в газете тебя, по телевизору тебя, чтоб стыдно стало! И сидит, ногой трясёт, главное! Я тебя знаю, как на похороны едешь - у тебя невестка в больнице, а зять в морге, тебе всю информацию докладывают, ты про все похороны знаешь в городе, ты и едешь потому, на халяву жрёшь, аж жир капает с неё и платочки получаешь бесплатно! Но я найду управу! Милиция!

ВТОРАЯ. Следит она спецом за мной?! Ты, китайский разведчик, а?! Я к родственникам! Какая невестка, у меня детей нет, только родственники?!

ПЕРВАЯ. На Индустрии дом 17, на Заводской дом 112, на Ленина дом 10 - всё тебе родственники, что это было, ты там чего такого делала, ну?! Ты там сидела, сама плакала, луком глаза натирала, ну?!

ВТОРАЯ. Да я там плакала, потому что на Индустрии дом 17 - Михаил Иванович был - вместе на Вагонзаводе, он как родной мне родственник был, на Заводской дом 112 - Тамара Игнатьевна, вместе в Стройзелендоре, она как мать мне, на Ленина дом 10 - Татьяна Анатольевна, роднее нету, вместе на главпочтамте в отделе международной почты перед пенсией, чтоб пенсию побольше заработать, ты?????!!!!

ПЕРВАЯ. Да у тебя в ушах волосы растут!!!

ВТОРАЯ. Врёшь! Не растут!

ПЕРВАЯ. Заманала! На всех похоронах сроду в первых рядах, её никто знать не знает, а она ходит, распоряжается, двигается по-свойски, всех одёргивает - дёрыг да дёрыг, будто кто её просит, она все обычаи знает, все порядки, всю хурду-бурду, поправляет, всё, мол, не так, неправильно делаете, мне всё время в бок тычет - да ты кто такая?

ВТОРАЯ. Да это всё мои родственники были!

ПЕРВАЯ. Врёшь! *(Рванула в первую дверь вагона, дверь “вжик” и закрылась.)*

Обе сильно удивились, сели в разных концах вагона, сидят.

МОЛЧАНИЕ.

Вот, из-за тебя всё, скандал устроила, дура такая жирная. Двери попозакрывались. Как мы теперь отсюда вылезем, выберемся, ну?! Из-за тебя.

ВТОРАЯ. *(Передразнила.)* “Попозакрывались”. И хорошо, что попозакрывались. Сиди вот, жди окончания забастовочного движения.

МОЛЧАНИЕ.

Вторая пошла по салону, начала полотенца, платки носовые собирать, плачет, причитает.

ПЕРВАЯ. *(Смотрит в окно, молчит.)* Ханыга такая.

ВТОРАЯ. Ты мне скажи, зачем ты следила за мной, ну?!

ПЕРВАЯ. Да кто следил за тобой? Нужна ты. Одна думаешь, умная такая, такой бизнес сделать? И я тоже хочу. Следили за ней, дура такая.

МОЛЧАНИЕ.

Вот и сиди, раз не пошла пешком. И мне адрес не сказала. Собака на сене. А я бы добежала, у меня тромбонов на ногах нету.

ВТОРАЯ. Добежала бы она. Электровеник. Добежала бы она.

ПЕРВАЯ. Добежала бы. А ты ни себе, ни людям. А теперь двери закрылись - сидим обе, “три тополя на Плющихе”. А они уже гроб выносят, котлеты дожаривают, ложки раскладывают, сидят, ждут, поминки, водка в холодильнике, а мы из-за тебя голодом сегодня, и всё. Толстопузая. Маша с Уралмаша такая.

МОЛЧАНИЕ.

Давай, вместе поднажмём, двери откроём, вылезем, я тебя поддержу, донесу, может, успеем ещё, пошли, ну?

ВТОРАЯ. Донесёшь она меня, ага. Знаю. Тебе только адрес дай, и всё. Сиди вот, бессовестная, наглая, по похоронам шляется, молодая такая, птфу!

ПЕРВАЯ. Сама бессовестная. Тебе птфу в глаза. Из-за тебя всё. Ни платочков не достанется, ни полотенчиков, ни по сто грамм. Ни супчику с котлеточкой, дура такая, а всё ты. Сиди вот. Давай вместе поднажмём, ну?

ВТОРАЯ. Ты скажи мне - зачем ты за мной следила?!

ПЕРВАЯ. Отстань. Да я уж сколько лет по моргам хожу, да к похоронам присусеживаюсь, а теперь по моргам хоронят мало, из дома дешевле, вот я и пошла за тобой. Потому что главная беда у нас в стране - знаешь, что? Откуда ты знаешь, необразование. Недостаток информации у нас главная беда, ясно? А ты вот информацией владеешь. Вот и всё. Отстань.

МОЛЧАНИЕ.

Пошли, наляжем на двери? У тебя масса большая, я одна не смогу. Ну? Не хочешь? Ну, как хочешь.

Вошла в кабину водителя, закрылась там, Вторая поражённо молчит.

ВТОРАЯ. А ну выходи давай, что ты туда залезла, а? Это твоё, нет?

ПЕРВАЯ. *(В кабине.)* Заманала. Сиди вот там. Мне с тобой рядом сидеть противно. И с тем-то она то-то, с тем-то она то-то. И там-то она работала, и там-то она груши околачивала. Тебя весь город знает, трепло, сплетница, Высоцкого 12, квартира 7 ты живёшь.

ВТОРАЯ. Я гляжу ты всю информацию знаешь, плоскондонка такая. Я вот выйду сейчас и толкну вагон и катись к лешему.

ПЕРВАЯ. У тебя же тромбон, обезножела. Толкни. Дверь закрыта.

ВТОРАЯ. А я плечиком, не бойся.

ПЕРВАЯ. Давай плечиком, иди. Богатый жмурик, значит, раз торопишься, на поминках там, поди, еды - до слёву, да не про нас, ну, хорошо ...

ВТОРАЯ. Открой дверь мне! Открой, гадина, дверь!

ПЕРВАЯ. Вылезай. Через окошко. *(Хохочет.)* А то вдруг каротнёт. Замкнёт где вдруг от долгого стояния и начнёт нас током бить. Ой, вот прям чувствую, уже каротит, вот потрогай ручку спинки этой - током бьёт, чувствуешь, нет? Ой, убьёт током. Что потом? Сгорим заживо с собакой вместе и ты, и я, и наши похороны.

ВТОРАЯ. Ты чего молотишь, чего, не пугай меня, дрянь такая, бездельница молодая!

ПЕРВАЯ. Я-то вылезу в окошко, а ты-то поди застрянешь, нет? Сидит, жиром заплыла. Морда - семерым не обложить. Ну, толкни дверь-то, хотела ведь? Толкай, ну? *(Нажимает какие-то кнопки в кабине водителя, свет то гаснет в салоне, то зажигается.)*

МОЛЧАНИЕ.

Вторая плачет, причитает что-то, прижимая к себе сумку.

За окном вдруг стало темнеть, темнеть и - погасло солнце.

ВТОРАЯ. *(Смотрит в окошко.)* А чего это? Ты чего сделала? Ты чего нажала там, ну? Отожми!

ПЕРВАЯ. *(Тоже смотрит в окошко.)* Где?

ВТОРАЯ. Чего ты нажала там? Чего ты на небе сделала? А ну, включи свет! Да на небо, на небо смотри, ну?! Это что такое? Никогда не видела, чтоб четыре солнца, три чёрных, одно, как тень, тёмное на небе ... Почему это?

МОЛЧАНИЕ.

Машины перестали дудеть, ехать, остановились. Шофера вылезли, тоже к небу головы задрали. И прохожие, по тротуару которые бежали, тоже остановились. Все вдруг испугались и замолкли. Стало темнеть, темнеть и совсем ночь наступила.

Темно.

Тишина такая, что слышно, как собака под сиденьем возится, зевает. Тётки сидят, обалдело смотрят в небо.

И в воздухе, носится, летит откуда-то кем-то, наверное, из шоферов уроненная фраза: "Конец света ... конец света ..."

И влетели слова эти старухам в уши, они их губами только повторили, в небо уставясь.

ВТОРАЯ. Да почему, почему это?!

ПЕРВАЯ. По кочану. Потому. Вечер уже. Кончились похороны. *(Смеётся.)*

ВТОРАЯ. Ты совсем уже, нет? Ты чего регочешь-то, смотри в окно, видишь, нет?

ПЕРВАЯ. Я ж говорю - главная твоя беда: недостаток информации.

ВТОРАЯ. Какой информации, ты смотри, что: конец света?! Конец света?!

ПЕРВАЯ. *(Смеётся тихо.)* Конец света, да. Какую, можно сказать, правильно.

ВТОРАЯ. Светопреставление ... Светопреставление, Господи!

МОЛЧАНИЕ.

ПЕРВАЯ. Всё. Прощайся с жизнью.

ВТОРАЯ. Господи, Царица небесная, да что же это такое, ты чего веселишься, ты, дьявол что ли, ты посмотри - света не стало? Или это у меня в глазах потемнело, Господи????!!

ПЕРВАЯ. Не стало, не стало. Давай, ложимся друг к дружке поближе, да и помирать давай. Теперь сыпать пеплом с неба начнёт и нас потом раскопают, через много лет только.

ВТОРАЯ. Живых?

ПЕРВАЯ. Чего - живых?

ВТОРАЯ. Нас раскопать-то когда раскопают, то мы будем живые или нет?

ПЕРВАЯ. Да как же мы живые-то будем через столько лет? Конечно, мёртвых. А каких ещё. И даже не мёртвых, а только кости наши. Живых, придумала. У тебя тромбон, уже сейчас, а через сто лет, знаешь, что будет? Нет? Раскопают и в музей твои кости выставят. Всё, смерть твоя пришла, готовься ...

ВТОРАЯ. Как готовься? Уже? Смертынька? Смерть? Так быстро?

ПЕРВАЯ. *(Смеётся тихо.)* Уже, смертынька, кончина, карачун, ага, так быстро. А ты что думала - ещё долго? Ан нет - уже быстро.

ВТОРАЯ. Святители небесные, как же это, почему так быстро, забастовка эта, я не приготовилась, не вымылась даже, торопилась на кладбище, в столовку, на похороны на чужие, а уже ... и мои пришли, что ли, похороны?! Да что же это, конец света наступил от того, что Иван Егорович помер?!

ПЕРВАЯ. Какой Иван Егорович?

ВТОРАЯ. Иван Егорович, Стрелочников 17, квартира 18, вместе на заводе - он обрубщик, а я сварщик ... Обрубщик и сварщик, сварщик и обрубщик ...

ПЕРВАЯ. Сварщик и обрубщик. Иван Егорович. Стрелочников 17, квартира 18. Очень даже просто. *(Смеётся.)*

ВТОРАЯ. Отчего же это?! А как же пенсия, мне завтра принесут, а как же кошечка, закрытая в квартире осталась, кто покормит теперь, из ведра я не вынесла, вонять будет, цветы не полила ...

ПЕРВАЯ. Цветы, кошечка, пенсия, ишь! Все помрём, и кошечка, и пенсия, и ведро, и цветы твои!

Темно на улице. Совсем темно. Темно и тихо. Первая в окошко выглядывает, рукой машет, на небо смотрит, смеётся.

(Кричит.) Смотри, смотри в окошко, вон, видала?! Похороны едут! Впотьмах едут, фары включили! Проехали! Нет, встали, стоят!

ВТОРАЯ. Где проехали? Кто проехали? Какие похороны? Мои? Чьи похороны едут?
Прилетела ворона, села на трамвай и давай каркать.

ПЕРВАЯ. Твои, твои. Крыша у тебя потекла совсем, гляжу. Вон, вон, это они, смотри ... Ах, зараза, уж я и адрес знаю теперь, да проворонила. Вон, машина, на ней оградка с фоткой, Иван Егорович, твой обрубщик, в молодости, вон гроб, а вон и автобусы. Встали и стоят, наш трамвай им поперёк пути, не проехать им на кладбище. А ну, пошли, выйдем, в автобус попросимся, а? Пошли, ну? Поднажми плечиком, открой двери нам, ну?

ВТОРАЯ. Похороны мои, прости, Господи, грехи мои, смертынька пришла ...

ПЕРВАЯ. Смотри, как её столбняк взял, паралик разбил. Мать, проснись, ну? Пошли, выйдем, нажми на дверку? *(Смотрит в окно.)* Нет, не возьмут нас они ... Видала? Машина грузовая проехала, фары включённые, на машине памятник стоит, снизу крестик, сверху звёздочка, возле памятника гроб стоит, а Иван Егорович ...

ВТОРАЯ. Иван Егорович, Иван Егорович ... Ты видишь, нет?

ПЕРВАЯ. Чего Иван Егорович?

ВТОРАЯ. Иван Егорович стоит в гробе и руку вперёд выкинул ...

ПЕРВАЯ. Кто чего выкинул? Да ты чего, мать?

ВТОРАЯ. Как и сказано было: мёртвые вставать из гробов начали, он стоит, а сзади автобус едет, родственников полный, везут хоронить его, а он им дорогу указывает ... Снизу крестик, сверху звёздочка, Иван Егорович в гробу, в костюме, миленький, прости меня, Христа ради, Иван Егорович ...

ПЕРВАЯ. Эй, мать? Ты чего, “невседома”?

ВТОРАЯ. Конец света, светопреставление ...

ПЕРВАЯ. *(Хихикает.)* Маманька у нас с катушек съехала. Необразованность, недостаток информации, эх ты ... *(Подумала, сказала решительно:)* Правильно говоришь: конец света! А ну, давай, выкладывай на Божьем суде, сколько грехов у тебя, говори, быстро, ну?! И все адреса рассказывай, куда ехать на этой неделе собралась, к каким сварщикам, к каким обрубщикам?!

ВТОРАЯ. *(Хватает воздух ртом, смотрит невидящими глазами на Первую.)* Ты кто? Кто ты? Ты смерть моя?!

Первая закутала голову в полотенце, очки надела чёрные, загробным голосом спросила:

ПЕРВАЯ. А ну, сказала быстро про свои грехи, ну? Очистся, рассказывай, быстрее давай, а то сейчас будут тебе - судороги, понос, смерть, ну?!

ВТОРАЯ. Чего тебе? Чего тебе, смерть моя?

ПЕРВАЯ. Грехи?! Грехи?! Адреса?! Явки?! Квартиры?!

ВТОРАЯ. Нету, не было грехов, нету ...

Собака завывает.

ПЕРВАЯ. Ну да, не было, расскажи кому - один Бог святой, есть, есть, рассказывай! ...
(Хихикает.)

МОЛЧАНИЕ.

ВТОРАЯ. Бежать надо, бежать от тебя надо, плечиком на дверку и бежать ... Собака, а, собака, ты живая ещё, бежим, куда-то чего-то скажем, чтоб отменили, чтоб снова солнце, кричи быстрее, пусть нас вызволяют, ты что помирать-то собралась, ты совсем уже, да я ещё жить хочу, я не нажилась как следует, я только-только начала, можно сказать, как страшно, как темно, да что же это посередь бела дня темно, да почему же так быстро, да что же это так легко и просто и быстро кончилось, а?! Почему одним махом, в минуту вся жизнь прошла, как же теперь?! Я не буду, я не стану, нет, нет!!!!

ПЕРВАЯ. А ну - тихо. Орёт. Тихо. Умела жить бессовестно, так смоги хоть помереть по-людски. Расскажи про грехи, про адреса, а потом засни, оно нас засыпет и всё, порядок будет.

ВТОРАЯ. Кто нас засыпет? Кто?!

ПЕРВАЯ. Да пепел, дура. Спи. Веди себя прилично. Господь Бог сейчас на тележке подъедет.

ВТОРАЯ. На какой тележке?!

ПЕРВАЯ. На тележке ли, на колеснице ли, не знаю. И начнёт тебя пытаться, что ты сделала каких грехов в жизни? Ну, отвечай? Вот, представь себе, что подъезжает на трамвае сам Господь Бог, прибыл и начинает пытаться?! Ну?! Отвечай?! А ну, давай, рассказывай все свои грехи, быстро, ну?

ВТОРАЯ. Кому?!

ПЕРВАЯ. Мне, как Богу, как на исповеди, на страшном суде!!!!

ВТОРАЯ. Да что ж так быстро-то?!

ПЕРВАЯ. Теперь только кости археологам, да, да. Рассказывай!!!

ВТОРАЯ. И ни живой души, чтоб прижаться, чтоб обогрела, чтоб поплакала, чтоб надо мной поплакала, порыдала, пожалела, не к кому прижаться ...

ПЕРВАЯ. Ко мне прижмись! И рассказывай! К кому на этой неделе хоронить поедешь, рассказывай все явки!

ВТОРАЯ. Ты же смерть моя, как же я к тебе прижмусь, ты холодная ...

ПЕРВАЯ. Ну, к собаке вон прижмись и рассказывай быстрее, к собаке, обойми её, пусть она тебя оближет, раз ко мне не хочешь, ну, иди давай, ну? Рассказывай про грехи, где бесплатно жрала на похоронах, всё рассказывай, прям с детства твоего пошли, ну, что натворила, гадина? Кого обижала?!

ВТОРАЯ. Обижала, Господи... Всех обижала ... Вот, вспомнила, грех, был грех, был! Мы маленькие ходили на поле мышей выливать, и я мышей убивала, нам приказано было вредных грызунов мышат убивать, мы в норку наливали воды ведрами, мыши вылезали, и

мы их железными прутьями убивали, меленькие такие, серенькие такие мышатки, убивала я их ...

ПЕРВАЯ. Мышаток убивала? За мышаток ты ответишь мне! А что ещё сделала, ну? Сегодня что сделала грешного, ну?

ВТОРАЯ. Сегодня? Что я сегодня сделала грешного? Постой, вспомню, что у меня было сегодня, что было? Утром встала, пять часов было, пошла, пошоркалась по квартире, поела суп со свининкой, из косточки варила, поела суп, потом что я делала, потом пыль стёрла, потом что я делала ...

ПЕРВАЯ. Про суп и пыль не рассказывай! Грехи! Ну?!

ВТОРАЯ. Грехи?! Какие грехи, Господи? Вот, вспомнила! За стенкой у меня играл мальчик маленький, вот, вспомнила, мальчик играл, а потом перестал играть, он на пианине играл с утра и до ночи, играл и играл, и я ему тогда, много лет назад пожелала, чтоб он помер, и он помер. Вот грех!

ПЕРВАЯ. Вспоминай сильнее, что сегодня было, кого обижала, ну?!

ВТОРАЯ. Сегодня?

ПЕРВАЯ. В трамвае сегодня, худого вида женщину, не обижала сегодня, когда ехала на похороны?

ВТОРАЯ. Я про мальчика, я про грех, я про мальчика! Вот грех, грех мой! Господи, я не со зла сказала, я не хотела, пусть бы играл, пусть бы играл бы и дальше, разве же я против, пусть стучит, я себе беруши в уши воткну, пусть бы стучал, за что я пожелала ему смерти, нет, я не виновата, он заболел, он сам виноват, а может, и хорошо что умер - от меня или от другого кого, кто захотел ему смерти, может, родители его в чём виноваты, они виноваты сами были, за всё идёт наказание, Господь Бог за всё платит, за всё надо платить, платить пришлось им, не мальчику, не мне, я не виновата, не виновата, он умер, я потом похороны его глядела, его хоронили, гробик маленький видела, а его мамаша в кожаном пальте стояла и плакала и рыдала, говорила: как он играл, как он играл, а он так плохо играл, даже я понимала, не хорошо играл и, может, хорошо, что Бог его прибрал к себе, забрал, и он ангел там сейчас, а был бы дьявол, потому что ему не было бы счастья в жизни, никому не будет счастья в жизни, не было и не будет и мальчику тому не было бы счастья потому что в такой семье он родился что счастья бы не было ему и потому что нету никому на белом свете счастья не было бы ему не было бы ему не надо никому рождаться и зачем я рождалась лучше бы я умерла в утробе материной зачем мне было рождаться не хочу рождаться зачем я в этом трамвае кому я что плохого желала кого я хотела убить мышаток сереньких убивала зачем кого я хотела я никого не хотела не убивала нету грехов у меня нету а какие грехи ещё я ещё что плохого кому сделала кому?! Грехи мои, грехи мои ... Вот грехи!!!! Гуляла и детей не родила ... детей ... всё для себя жила ... детей ... детей ... внуков ... детей ...

МОЛЧАНИЕ.

Плачет. Молчит. Первая улыбается, сняла платок с головы. Погладила Вторую по плечу.

ПЕРВАЯ. Да тихо вы, женщина, вы чего эдак-то вот разнервничались-то, а? Я пошутила. Я люблю людей веселить. Думала, вы тоже посмеетесь, потому что интеллигентные люди любят друг дружку разыгрывать, сказки рассказывать, особенно на первое апреля, да и вообще в течение года. Они газеты читают, информацией владеют. Тихо, тихо, я же пошутила, не плачь, а ты разрыдалась, чего ты, я пошутила, давай соединимся, скооперируемся. Вместе сделаем наш бизнес, будет у тебя и у меня информация, слышишь? Давай вместе ходить на похороны, вместе сподручнее, тем более у тебя тромбон, я могу ходить к моргу узнавать, а ты будешь тоже узнавать по телефону или ещё как, может, а ты перестань, ты чего, плакать, дура, да мы только жить начали, да мы ещё

поживём, надо газеты читать, информацию узнавать, там иногда некрологи, и начальство, написано, что умирает и где вынос тела, мы и туда можем присуседиваться, слышишь, Маша с Уралмаша, газеты читай, а там написано было, что сегодня в двенадцать дня на семь минут в небе затемнение, забастовка в небе, понимаешь? “Снова замерло всё до рассвета, дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь ...” И в газетах написано, и все знают, ты чего такое придумала, перестань, даже собака не лает, спит спокойно, а ты давай плакать, грехи, я же подшутковала, семь минут ровно будет затмение, а сейчас снова пойдёт всё назад, всё будет по-прежнему, как было, никто никак судить не будет, никакого суда страшного, да и Бога нету, живи как хочешь, нету наказания, и все так живут, живи, да и живи, не думай про грехи, сказки слушает, перестань, что ты, перестань. Ну, всё, не реви, надо слёзы сберечь на похороны, чтоб натуральнее было, ладно, я пошутила, наврала, это затмение, сейчас назад всё будет, не плачь, дура ты такая, а то я тоже с тобой буду ... (Заплакала.)

МОЛЧАНИЕ.

ВТОРАЯ. Затмение? Ты кто? Зачем наврала так? Ты - дьявол?..

ПЕРВАЯ. Какой дьявол. Человек. (Улыбается.)

ВТОРАЯ. Ну?

ПЕРВАЯ. Чего?

ВТОРАЯ. Я сегодня суп из свинины ела.

ПЕРВАЯ. Да хватит про грехи. Ешь. Из свинины, из котятины, из чего хочешь. Можно. Разрешаю. Шутка была. Сейчас солнце назад. Куда оно денется. И жить мы с тобой будем долго. По похоронам будем ездить долго. Всех перехороним, а сами будем жить. Долго жить. Вечно жить. Жить, не тужить. Слышишь?

ВТОРАЯ. Суп ела. Со свининой. И съела косточку. Маленький такой кусочек косточки. И теперь у меня образовался рак. Потому что нужно всегда бульон через сито. А я без сита. Косточка в теле сидит. Косточка идёт по телу, по горлу, впивается в красное, в мякоть, клубок вокруг неё тканью красной делается, клубок, рак - смерть. И от чего? От маленькой косточки. Не ешь мяса - наказание за это. Мясо нельзя. Они ведь живые. Везде смерть. Трупы животных. А знаешь, что карандаши - это не карандаши, это не грифель внутри, или как его там, нет, не грифель. А туда заталкивают пепел из крематория, да, да, у них договор на поставку. Горелый человек очень маркий, им писать можно. Вот, возьми, напиши слово “человек”, а выйдет - “смерть”. Вышло?

МОЛЧАНИЕ.

Первая отодвинулась от Второй, платочек поправила, парик, очки надела, пошла к дверям.

ПЕРВАЯ. Ладно, бабушка, пока. Оставайся с миром. Ты совсем сбрендила. Не будет у нас бизнеса. Пошла я. Налягу на дверку, авось выйдет ...

ВТОРАЯ. (Улыбается.) Семь минут прошло, вот и страшный суд, темно, врала ты?

ПЕРВАЯ. Как прошло?

ВТОРАЯ. Уже полчаса прошло. Или час. Страшный суд.

ПЕРВАЯ. Ну, ври. Неправда. Не прошло.

ВТОРАЯ. Вот. Не то ты прочитала в газетке, не то. Конец. Смотри в окно, они возвращаются! Похороны наши назад едут! Он, Иван Егорович будет так по улицам с поднятой рукой ездить, смотри! Потому что - страшный суд!

ПЕРВАЯ. Где?

ВТОРАЯ. В окне! Едут вон! Страшный суд тебе!

ПЕРВАЯ. Я в Бога не верю, нету никакого страшного суда, нету ничего, я жить буду, сейчас пройдёт семь минут и снова назад солнце будет...

ВТОРАЯ. Не будет! Час прошёл! Страшный суд! Человек - смерть!

ПЕРВАЯ. Не ври. Всё не так. Не может быть. Не может, потому что не может быть.

ВТОРАЯ. Грехи?!

ПЕРВАЯ. Что?

ВТОРАЯ. Говори грехи свои, ну, быстро?!

ПЕРВАЯ. Нету у меня грехов! Нету Бога! Нету страшного суда! Я жить буду вечно, не пугай меня! Солнце будет, будет солнце для меня, всегда будет солнце, пусть всегда будет солнце, я буду жить, жить, жить, не ври, не ври! ... Человек - не “смерть”, не ври! Вечно, вечно! ...

МОЛЧАНИЕ.

Налегла на дверцу, открыла её и кинулась в потёмках бежать прочь.

Вторая тётка сидит, оглядывается, не видит ничего.

ВТОРАЯ. (*Бормочет.*) Человек ... Смерть ... Человек ... Смерть ...

Дышит на стекло и пальцем что-то чертит.

А солнце, и правда, побежало по кругу, побежало, вдруг четыре солнца слились в одно и стало на небе одно, красное, тёплое, встало и засияло. Машины постояли, развернулись, пофырчали, объехали трамвай и поехали.

Пришла водительша, села в трамвай, сказала в микрофон, что двери закрываются и поехал трамвай с перекрестка. Пусто в трамвае, одна тётка сидит, смотрит на солнце, плачет от радости или горя.

И собака из-под сиденья вылезла, подошла к тётке, легла у её ног, да и завывала тоже. Грязная собака, черно-белая. А морда как у моей кошки Манюрки - несчастная.

ТЕМНОТА

ЗАНАВЕС

КОНЕЦ

*март 1996 года
Екатеринбург*